

сивном характере изображаемой социальной среды. При этом ими отмечена идея «нуклеарной» ответственности за негативные явления, не связанные с общими успехами государства и общества и дистанцирование «первых лиц» от социальных проблем в рамках новостных выпусков [3, 84–87]. Мы уточним: «от проблемных формулировок» — власть выступает как субъект решения проблем.

Обращает на себя внимание увеличение нисходящей информации на микроуровне, которое демонстрирует индивидуальное решение проблем. В русле этой тенденции отмечается деятельностный показатель формирования «социального субъекта», который соотносится с идеологией социального действия, характерной для профессиональной позиции социальной журналистики.

Потенциал алгоритма «социальный субъект» определяется активизацией социального ракурса в освещении проблемных ситуаций, сближением разноуровневых позиций и объединением индивидуальных, общественных, властных ресурсов на основе решения конкретных проблем социальной сферы.

Соотнесенность полученных нами выводов с результатами параллельных исследований и наблюдений демонстрирует действенность примененных в работе оригинальных методов исследования телевизионного контента и близость тенденций освещения социальных проблем на ТВ и в периодической печати.

1. Зверева В. Телезрители как критики // Российское телевидение между спросом и предложением. М., 2007. Т. 1.

2. Проблематика СМИ: Информационная повестка дня / под ред. М. В. Шкондина, Г. С. Вычуба, Т. И. Фроловой. М., 2008.

3. Российское телевидение: между спросом и предложением. М., 2007. Т. 1.

Статья поступила в редакцию 12.09.2008 г.

А. И. Вертешин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ПОДДЕРЖКЕ И ОППОНИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Рассматривается участие журналистского сообщества в политическом процессе, теоретически обосновывается фрагментация журналистики на поддерживающую и оппонирующую.

В конце 1980-х гг. в отечественной политической прессе появилось явление, которое автор назвал фрагментацией журналистики в поддержке и оппонировании российской власти. На наш взгляд, этот термин способствует идентификации теоретической и эмпирической базы исследования

ВЕРТЕШИН Алексей Иванович — кандидат политических наук, доцент Поморского государственного университета, Архангельск (E-mail: dh4e@atnet.ru).

© Вертешин А. И., 2009

эволюционных и бифуркационных изменений в данной системе, дополняет тезаурус политической журналистики. С введением этого понятия выявляются генетические аспекты формирования названных процессов, артикуляция действий журналистского сообщества и направления развития системы журналистики.

Обоснование фрагментации журналистики в поддержке и оппонировании российской власти, по мнению автора, возможно по следующим взаимосвязанным эпистемологическим положениям.

1. Политический институт поддержки и оппонирования российской власти системно связан с журналистикой. При этом данное явление вносится в политическую практику и является ситуационным политическим катализатором в поддержке и оппонировании власти.

Поддержка и оппонирование власти со стороны журналистики, когда они вносятся в политическую практику, приобретают институциональные элементы. Это обстоятельство заставляет субъектов отношений с населением — власть или журналистику — формулировать стандарты, нормы политических действий для электората.

2. Другое положение связано с тезисом, что поскольку в период трансформации общества российская политическая власть для осуществления собственной легитимации в основном использует неполитические или технологические методы влияния на политические институты, то для достижения целей она рекрутирует наиболее эффективные инструменты воздействия на общественное мнение, в том числе методы политической журналистики.

С начала XXI в. в теории журналистики, в том числе и политической, вовлекаются все новые методы и методики, позволяющие глубже изучать проблемы влияния массмедиа на российское общество. Формирование модели легитимации и делегитимации власти с использованием средств политической журналистики должно опираться на научный базис прессы. В тезаурусе появился обширный пласт теоретического и эмпирического материала, насыщенного многочисленными фактами, журналистскими открытиями, имеющими статус предварительных научных выводов.

Создание тезауруса легитимации и делегитимации власти средствами журналистики, на наш взгляд, соответствует веберовскому учению исследования сути объектов через ее *интерпретацию* [4, 344–370].

Журналист, занимающийся проблемами политики, особенно власти, должен обладать навыками научного познания. К первому типу М. Вебер относил понимание через прямое наблюдение. Если следовать его теории, то реализацией этого тезиса может служить правдивый показ журналистами политических процессов. Но, по М. Веберу, прямого наблюдения недостаточно, чтобы понять суть социального действия.

Объяснительное понимание — следующий тип интерпретации социального действия по М. Веберу. На практике журналист создает эффект присутствия, во время которого выясняются мотивы поведения политиков: радость от поддержки законодательной власти, неудачи реализации управленческих решений и т. д., вместе с журналистом в эту атмосферу погружается аудитория.

Причинное объяснение — третий тип интерпретации. В этом случае журналист выясняет причины того, что инициировало сами мотивы, которые привели к соответствующим социальным действиям. Журналист на время становится социологом, философом, проводящим собственное исследование.

Существует, по М. Веберу, еще один метод изучения явлений, к которому также прибегает политическая журналистика. Чтобы уяснить причинные связи и дать полное толкование типичным политическим явлениям, необходимо создать недействительное, *идеальную модель*, в основе которой заостренные эмпирические реальности. Так было в освещении судебного разбирательства дела М. Ходорковского, когда многие российские и зарубежные СМИ конструировали идеальную модель, представляя олигарха невинной жертвой судебной системы, личного влияния высшего руководства страны. Для убедительности телевидение крупным планом показывало родных подсудимого, обличающих политическую власть. Журналисты, по всей видимости, шли по более простому пути: не вникая в казуистику законов, демонстрировали человеческие эмоции, всегда хорошо воспринимаемые аудиторией. Таким образом, решалась и другая задача хорошо оплаченной PR-акции: отвлекать общественность от главного — доказательства вины, соответствия ей наказания.

Журналист, участвуя в легитимации и делегитимации власти, даже если он использует все три типа понимания и идеальное моделирование, зачастую не может встать на место социолога или политолога, исследующих общество. Эти профессии требуют объективной научной оценки действительности. В журналистской практике понимание всегда приблизительно, а идеальная модель не всегда соответствует реальности; нередко они не дают знаний для последующих научных исследований, искажают социальную информацию, участвующую в легитимации власти. И в этом ограниченность политической журналистики.

Политическая журналистика для легитимации политической власти воспроизводит те элементы из арсенала политических ресурсов, которые одобряют властные структуры, а затем благодаря массмедиа вызывают интерес общественности к действиям власти. Отсюда на творческом уровне возникает фрагментация в журналистском сообществе: происходит стратификация его членов, специализирующихся на поддержке и оппонировании власти. С этой стратификацией возникают и занимают соответствующие ниши политические СМИ, т. е. поддерживающие власть или жестко ее критикующие.

Фрагментация политической журналистики, на наш взгляд, есть подтверждение теории структуризации Э. Гидденса [1, 336–341].

Журналистское сообщество, журналист как индивид могут быть, если следовать определению английского социолога, «социальным агентом». Модель агента включает в себя три стратификационных уровня: *мотивацию действия, рационализацию действия, рефлексивный мониторинг действия*.

Прямо или косвенно положения Э. Гидденса отражают действия журналистов в поддержке и оппонировании российской власти. Теоретическое рассмотрение данных дефиниций позволяет понимать [1, 339] под *мотивацией действий* осознанное стремление журналистского сообщества к поддержке и оппонированию власти. Причем мотивы проявляются тогда, когда агент встречается с необычной, «проблематичной», в данном случае с политической, ситуацией. *Рационализация действий*, по определению Э. Гидденса, — это «способность индивидов рутинно и без особой суеты» поддерживать постоянное «теоретическое понимание» оснований своей деятельности. Таким образом, если придерживаться теории структуризации, то поддержка и оппонирование власти для журналистов — социальная необходимость, создаваемая в рамках политических отношений с властью. Под *рефлекс-*

сивным мониторингом действия для журналистов следует понимать «постоянное и непрерывное отслеживание индивидом», в данном случае отдельно взятым журналистом, журналистским коллективом, своих действий, действий политических акторов, электората, а также особенностей политического процесса. По сути, это одна из профессиональных потребностей творческого сообщества.

Политическая журналистика выступает как субъект поддержки и оппонирования российской власти, при этом она продуцирует разработку и внедрение творческих методов, средств и приемов. Добавим, что это необходимое условие развития системы поддержки и оппонирования власти со стороны российской политической журналистики.

По мнению автора, для обоснования участия политической журналистики в легитимации и делегитимации власти следует рассматривать связанные с ними общие явления, характеризующие поддержку и оппонирование власти: 1) *применение журналистских методов в этом процессе*; 2) *использование аргументов в журналистских текстах*; 3) *артикуляцию рациональных и иррациональных ценностей журналистики и власти*.

В качестве творческих средств можно назвать известные и широко используемые в СМИ журналистские жанры. Содержание этих материалов отражает стратегические миссию, цели и задачи редакций, а тематикой служат постоянно воспроизводимые властью информационные поводы.

Российская политическая власть ориентируется на *поддерживающую ее журналистику*, при этом помогает ей, используя собственные ресурсы:

- Расширить ареал общественного внимания можно за счет использования информации сразу в контролируемых властью СМИ.
- Информация о действиях высшей политической власти проходит по всем контролируемым государством телеканалам, а по «России» — даже в выпусках местных новостей.
- Власть вводит в информационное пространство собственную информацию, в которой обосновываются политические решения или оправдываются ее действия: в распространяемых пресс-релизах, во время пресс-конференций.
- Власть предоставляет собственные инфоканалы, штатные единицы для сбора и распространения информации политической журналистики, например, при организации ежегодной пресс-конференции Президента РФ.
- Предоставляет авиационный и иной транспорт для журналистов во время визитов руководителей государства за рубеж и поездок по стране.
- Политическая власть создала собственную систему СМИ («Российская газета», «Парламентская газета», «Российская Федерация сегодня», ВГТРК «Россия», ряд теле- и радиоканалов, вещающих на зарубежную аудиторию, и др.).

Политическая журналистика, поддерживающая власть, может использовать *манипулятивные приемы*: исказить факты или создавать прямую ложь, изменять реальность за счет выделения и гиперболизации мелких и второстепенных фактов. О не совсем удачном посещении дачного поселка Б. Н. Ельциным, когда он оказался в речке, много говорилось в российских СМИ. Как оказалось, они создавали некий миф о врагах будущего президента и таким образом участвовали в его поддержке.

Для поддержки власти журналисты используют манипулятивную семантику — изменение слов и понятий, когда политические эвфемизмы создаются с помощью

специальных терминов. В политический обиход вошли малопонятный широкому кругу медицинский термин *консенсус*, плохо отражающая изменения в сознании людей *перестройка*. Нынешние политики и государственные деятели применяют слова из блатного жаргона, пришедшие, в свою очередь, из журналистских текстов, например, *беспредел*, *замочить* и т. д.

Журналисты используют упрощение и стереотипизацию явлений, например, громкие отставки министров и премьер-министров России в 1990-х гг. сопровождались комментариями в СМИ и подавались как результат сложных отношений уволенных с президентом. Политические интриги были верхушкой других процессов: требованиями МВФ к экономическим показателям, учетом настроения общества к реформам и т. д. [2, 224–268; 8, 216–217].

- Инструмент утверждения новостей и их повторения. В этом случае от аудитории не требуют их обсуждения. Центральные телеканалы демонстрируют без подробных объяснений встречи президента с региональными руководителями, министрами, представителями бизнеса.

- Журналисты дробят проблемы на фрагменты, в результате аудитория не может связать их воедино. Ярким примером такой технологии является обсуждение в конце 2005 г. на всех российских телеканалах загрязнения Амура китайской стороной вблизи Хабаровска. Тележурналисты скорее демонстрировали усилия МЧС, нежели акцентировали внимание на самом факте экологической катастрофы и его последствий для населения края. На наш взгляд, в этот период не прозвучало политической оценки ситуации.

Политическая журналистика, выступающая в роли оппонента власти, также использует манипулятивные приемы проправительственной журналистики, хотя в ее практике сложились и свои особенности: актуализация и поиск негатива в деятельности политической власти — метод не новый, он был известен еще в Древнем мире. «Мыльным пузырем» оказались распространяемые журналистами слухи о «романе» В. В. Путина с известной гимнасткой [3];

Оппозиционные СМИ широко и активно демонстрируют свое противостояние власти, идентифицируя себя с определенными политическими силами, способными диктовать свои условия власти. Нетрудно заметить, что в журналистских текстах оппозиционных СМИ акцент ставится на общественных интересах в критике власти, хотя в основе этой позиции лежат скрытые мотивы узкой группы лиц — руководителей СМИ, представителей экономической власти, партий и общественных организаций.

Чтобы политическая информация могла участвовать в поддержке или оппонировании власти, она должна быть обоснована *журналистской аргументацией* — «логико-коммуникативным процессом, служащим обоснованию определенной точке зрения с целью ее восприятия, понимания и (или) коллективным реципиентом» [9, 67–68].

Прежде чем прагматическо-коммуникативная конструкция аргументации, создаваемая властью, будет воспринята обществом, она должна пройти несколько основных этапов: 1) идентификацию (или их восприятие) выдвигаемых концепций с идеально-смысловыми структурами адресата, т. е. населения; 2) понимание; 3) принятие (непринятие); 4) убеждение. Аргументация считается правильной в том случае, если адресат (население, аудитория СМИ) включится в процесс сотворчества, приобщения к знаниям.

Журналистика рекрутируется в формирование аргументации властных структур, а также в транспортировку ее до адресата, поскольку у творческого сообщества богатейший опыт создания и использования лингвистических компонентов, логических форм изложения, обращения к мировоззренческим, этическим, психологическим параметрам общества.

На наш взгляд, практическое значение теории аргументации не в должной мере воспринимается российской журналистикой, поскольку отсутствуют соответствующие подходы, навыки и традиции использования.

В журналистике, по сути, нарушаются законы аргументации [7, 94–103], что свидетельствует о системном разрушении логико-семантических связей в системе поддержки и оппонирования власти. Чтобы медиалегитимационный процесс в России проходил с соблюдением всех норм и законов, механизм аргументации в журналистике должен быть основан на признании и использовании в коммуникациях с обществом признанных этических норм и ценностей. Именно они влияют на изменение поведения личностей.

Отсутствие аргументации, незнание ее законов связано с проблемами *рациональности* и *иррациональности* в журналистском творчестве. Одновременно они отражают формы бытия и формы мышления общества на определенном этапе его развития [6, 13–17].

Любая трансформация государственного устройства, политической системы приводит к изменению приоритетов в ценностях людей, в том числе в журналистском сообществе. Между тем во все времена *рациональность* ассоциировалась с генезисом разума, осознанием своей человеческой сущности, внешней стороной бытия человека.

У политической власти и журналистики есть гештальт-элементы, которые сближают эти две системы. Обе обладают институциональной оформленностью: выражают политический интерес государства, определенных партий, общественных организаций и других социальных институтов. Власть и журналистика имеют открытые и теневые центры управления, действующие скрытно, вне сферы общественного контроля. Власть делегирует часть своих полномочий — информационных, контрольных, рекреационных и других — журналистике. В этом случае последняя принимает на себя ответственность за их выполнение.

Социальное свойство политической власти и журналистики проявляется в их способности выступать в качестве факторов и интеграции и дезинтеграции общества. В первом случае с их помощью поддерживается общественный порядок, разрешаются конфликты, во втором — обеспечивается господство одних социальных групп над другими.

На наш взгляд, при изучении институционализации поддержки и оппонирования власти со стороны политической журналистики следует учитывать элементы рациональности легитимации и делегитимации. При этом необходимо сформулировать некоторые эпистемологические подходы. Во-первых, журналистские аргументы при легитимации власти должны быть научно обоснованы и оптимально сбалансированы. Во-вторых, следует учитывать нравственную основу журналистики, основанную на нерациональных факторах — долге, милосердии и т. п., близким к сократовским идеалам человечности [4, 26–48]. В-третьих, необходимо осознавать, что основополагающие подходы к рациональности сформулированы в законах и правовых актах, этических нормах, регулирующих деятельность журнали-

стского сообщества и средств массовой информации. В частности, есть они в Кодексе профессиональной этики журналистики, различных документах Союза журналистов РФ. На определенном историческом этапе развития реформ (выборы Президента России и Государственной думы) принимаются совместные документы общественных организаций, цель которых — регламентировать в определенных рациональных рамках действия журналистского сообщества.

Отношение к рациональности, следовательно, и к иррациональности в ходе поддержки и оппонирования политической власти формируется также и у российского населения. Это своеобразная «тоска по смыслу», возникшая в результате противоречий в обществе, переоценки жизненных принципов, автоматизации деятельности, дифференциации ролей в социальной структуре общества. Рациональное в журналистике воспринимается обществом как выражение истинности человеческой деятельности, проявляемое в целях, методах, средствах и результатах, в соответствии с объективными законами и закономерностями.

Между тем присутствие схематических, преобладание технических основ в политическом управлении, связанных со scientivным мышлением в действиях власти (в качестве примеров можно привести ориентацию российской власти в начале и середине 1990-х гг. на самоорганизацию общества, внедрение монетизации льгот пенсионеров и т. п.), разрушают в журналистике обоснование рационального как истины. Поддержка таких действий власти журналистским сообществом приводит к снижению его авторитета. Журналистика в данном случае не выполняет необходимой ей роли в политической системе, а именно: обеспечения информацией, необходимой для трансформации общества. Аудитория объективно реагирует на иррациональность журналистики. На практике это выражается в падении тиражей газет и журналов, снижении рейтинга аудиовизуальных СМИ, численности слушателей и зрителей. Иррациональность в журналистике приводит, в конечном случае, к снижению эффективности легитимации и делегитимации власти.

-
1. Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная социология. СПб., 1997.
 2. Гусейнов В. От Ельцина к...? Хроника тайной войны : в 2 кн. М., 1999. Кн. 2.
 3. История любви Путина и Кабаевой. Часть 3 и последняя. URL: www.newsland.ru (проведено 3 ноября 2008 г.).
 4. История теоретической социологии : в 4 т. / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М., 1997. Т. 2.
 5. Новиков А. А. Рациональность в ее истоках и утратах // Исторические типы рациональности. М., 1995.
 6. Поппер К. Логика научного исследования / под общ. ред. В. Н. Садовского. М., 2004.
 7. Сергеечева В. Как говорить убедительно. СПб., 2002.
 8. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997 / ред. кол. Е. Гайдар, Н. Главацкая, Л. Лопатников и др. М., 1998.
 9. Яскевич Я. С. Аргументация // Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Москва; Минск, 2001.

Статья поступила в редакцию 15.07.2008 г.